

ПРОЗА В ЦАРАПИНАХ

Обещание — это твой личный гимнаст. Не сдержал обещание — гимнаст срывается с верхотуры. Хорошо, если прикреплен внизу спасительный батут. А если его нет?

* * *

При мне у человека, который всегда веселился, остекленели на минуту глаза.

Это случилось, когда мы сидели в кофейне, говорили о политике, а я вдруг с жаром процитировал известные лермонтовские строки:

«Есть Божий суд, наперсники разврата!

Он ждет! Он неподвластен звону злата...»

Мой добродушный собеседник вдруг замер и превратился из милого толстячка-балагура в холодного булгаковского рыцаря:

«Нет и не будет никакого суда. И никакое возмездие никого не настигнет. Знай это!» — сказал он тоном покойника и еще мгновение сидел неподвижно, а потом, как ни в чем не бывало, ожил и замурлыкал себе под нос привычную безобидную песенку.

* * *

На берегах Волги живут военный завод и древний Кремль, шашлычная и царский ботик. И не надо суживать странную страну, в которой из одного угла идет крупный снег, а в другом дымится теплое море. Помню, как, завернутый в персидский шелк, я вел разговор с Рустамом Хамдамовым о Толстом и сценариях Тонино Гуэрра, а внизу в подворотне меня ждали пацаны с уже наполненными пластмассовыми стаканчиками. В этом смысле полезно выходить со званого обеда в Кремле и опускаться в метро. Лучи не должны мешать заходить в бабушкину хрущевку. Недавно меня попробовали укорить за стихотворный плакат «Русские маяки», мол, как можно устроить соседство Мандельштама и Шолохова? Да можно и нужно, потому что у России, как у моря, нет неприкасаемых камней! Потому что мы все в результате превратимся в тени древних греков, чтобы вечным утром выспрашивать у прибора новые стихи и молитвы.

* * *

Ветер с моря, девушки, осень, медленный джаз, алкоголь, яблоки в синяках — это инструменты для правильных касаний. Нужно обеспечить необходимую пустоту для посадки туда новых самолетиков-идей, самолетиков-открытий и находок, а я только лишь авиадиспетчер.

* * *

— А теперь, юноши и девушки, задавайте мне любые вопросы! — бесстрашно обратился я к залу.

— А можно на тему истории? — поднялась красивая девушка со второго ряда, поправив непослушную челку.

— На тему истории — это то, что нам нужно!

Девчонка на секунду задумалась:

— А правда, что у Ленина в мавзолее только голова и плечи?

Передо мной за секунду проплыли портреты академиков Абrikосова и Збарского с книжных страниц, и я переадресовал девушку с ее «историческим» вопросом на канал «Спас».

Там скрупулезнее изучают эту тему...

* * *

Ганс Шнир, герой Генриха Белля, распознавал запахи по телефону. У меня в детстве была способность определять по запаху содержание книг. Клянусь, я залезал на верхотуры шкафов по лесенкам и ползал по полам городских библиотек, чтобы из самых неожиданных мест и полок извлекать тома и сдувать с них пыль, а потом распахивать в неожиданных местах и принимать. Но не только в библиотеках случались мои альпинистские и пластунские передвижения. Однажды дома в отцовской библиотеке я отыскал на самой нижней полке странную книжку.

Я вел в самой середине девяностых программу на Первом канале (он тогда назывался ОРТ). Иногда даже позволял себе там читать свои строчки и петь свои песни. Например, я спел однажды песню на стихи поэта-фронтовика Юрия Левитанского, который на тот момент только-только ушел, — «Трамвайные вишенки». И его вдова Ирина связалась со мной, сказав, что это самое пронзительное, что она слышала на его стихи... Но, будучи на ТВ, я понимал, что это все равно на потребу дня, это пена такая. Хотя программа была неплохая, мне за нее не стыдно. Меня люди узнавали, когда проходил, брали автографы. Помню, зашел на базар в Астрахани, а мужик один так обрадовался: «Возьми арбуз или, хочешь, мою дочь возьми. Я тебе ее отдам! Увози!» И в то же самое время мы с группой других интересных людей делали программу «Куклы» на другом канале, и мне выпало озвучивать многих интересных персонажей! Я взял и внес в уста известного генерала фразочку из своих армейских лет: «Упал — отжался!» Она прижилась и самой знаменитой стала в этой программе. Меня стали таскать с этим генералом по городам и весям, потому что он готовился стать Президентом. Помню, прилетаем в Красноярск, и там меня отдельная машина черная правительственная встречает, а всех писателей и актеров, которые свитой ходили за генералом, сажают в общий автобус. Они так косятся на меня, мол, почему ему такие почести? А им отвечают: «Это голос генерала! Оригинулу нравится, поэтому терпите такое положение!» Это было смешно и некоторым образом продолжало кукольный театр.

* * *

Путь поэта — самая короткая и рискованная человеческая стезя для оправдания перед людьми и богами.

* * *

Вчера во дворе моего московского дома ко мне подошел мальчик лет семи-восьми.

Оглядел внимательно с ног до головы и спросил:

— Скажите, вы таджикистанец?

— Почему ты так решил?

Признаюсь, я даже слегка опешил.

— Меня зовут Марк. Мою сестру Сара. Мы из Таджикистана. Вы похожи на таджикистанца.

Почему-то этот диалог меня обрадовал. Я подумал вдруг, что то великое свидание моей бабушки Серафимы Ивановны в сорок втором году, о котором она никогда никому не говорила и которое закончилось рождением отца в июле сорок третьего, могло быть вполне интернациональным: приглянулись друг дружке Серафима и Васиф, которого для удобства все звали Васей, и получился мой красавец-отец... А Васиф после короткой командировки вновь оказался на фронтах... и больше о нем не слышала ни Серафима, ни мой отец... Надо бы отправиться в Таджикистан, внимательно приглядеться к местным небесам, попеть вместе с людьми их чарующие душу песни.

* * *

Отход от стиля, от точной формы — это сразу «красивый» сайдинг. Он режет глаз, убивает божественную пустоту. Ты как бы вышел в поле, а вместо неровной тощей тропинки в осах и подорожниках тебе резиновую дорожку с пупырышками для удобства постелили. Она еще и пахнет густой химией. Режиссер Бергман говорил, что когда он видел интересное в чужих фильмах, то сразу пытался это интересное прибрать к рукам и утащить в свою будущую картину. А Любимов спорил с ним и заявлял в пику, что, напротив, убирает все из своих спектаклей, если уже это где-то было. Это все, разумеется, преувеличение... Но та дозировка, которой владеет большой мастер, та клетка, которую он удерживает пустой, несмотря на искус заполнить ее чем-то ярким, вкусным, — это и есть возникновение стиля, почерка, своего языка. А вернее, соотношение этой пустоты к энергии действия.

* * *

Большие белые рыбки, лежащие на земле, — это последний снег.

Вышел утром из дома, а рыб уже унесла молодая теплая ночь.

Ты и не жалеешь этих исчезнувших зверей почему-то. Эгоизм весны заразен.

* * *

И страх голубых мотыльков есть пожар абажуров. Глазами и крыльями хлопать сподручней в июньскую вечность. А бабочки днем и под вечер еще нарожают, пророки еще напророчат, дожди растеряют патроны.

Пыльца, аллергия, досада, ожог поцелуя и сахарный кубик в сиреневой мгле керосина...

Садовницу-смерть запечатал навек архитектор. Но слышишь, как в камне молчит белоглазая, слышишь?

Кого теперь Озеро будет кормить пустотою? Зачем теперь лету летать, если лег поперек он — утопленник-май на полке в затопленной бане? Из племени мая куда убежала дорога?

Трава шелестит как вопросы, одетые в росы, и молнией молятся птиц распутившие Боги.

* * *

Писатель Максим Замшев на своем юбилее вспомнил вдруг, что в середине девяностых у меня был свой «офис» с обратной стороны вестибюля станции метро «Баррикадная». А я и позабыл об этом! Действительно: там слева у забора стояла деревянная пристройка, а внутри находилась дворницкая с метлами и лопатами. Однако дворников никогда не наблюдалось, их, видимо, вообще не было там в те времена, поэтому я всех водил «к себе», прятаться от злой милиции, общаться и выпивать. Я был молодым поэтом, литератор Сергей Геворкян — начинающим

можно было «нарубить много бабла». А мои родители в это время держали в московской квартире на балконе куриц, чтобы хоть что-то поесть. Мы (я и мои товарищи) постоянно выходили на митинги против власти, нас травили ОМОНОм, мы выступали с гневными стихами, которые никто нигде не печатал, постоянно устраивали поэтические вечера в подвалах, на чердаках, в красных уголках, где непременно курили на сцене дешевые сигареты и кричали свои стихи и песни. Нас слушали немногочисленные пришедшие товарищи и случайные люди.

Только через десять лет я начну писать свои басни, они станут известными, потом появятся такие вещи, как «Севастополь». Помню, как ночью в Крыму под Севастополем на байк-шоу сто тысяч человек скандировали мои строки про «Севастополь — морской апостол, не признающий третьего тоста». Это было за три года до присоединения Крыма, и меня, как автора, наутро не хотели выпускать из аэропорта на самолет в Москву. Но, слушая «Севастополь», все подряд плакали от русского укора, звенящего в этом стихотворении, изменившем мою судьбу. А потом пройдет еще много лет и настанут наши нынешние библейские времена. И когда сейчас, почти через тридцать лет, какие-то безграмотные девочки-журналистки записывают меня в новые Z-поэты и говорят, что наша поэзия появилась как реакция на новые события, мне хочется отвести этих малышей в ту дворницкую возле метро «Баррикадная», где мы пили паленую водку, читали друг другу новые хорошие стихи и мечтали о красивой и справедливой русской жизни.